

Хоть Цзю Шэн и произнес эти слова негромко, они прозвучали подобно грому среди ясного неба — весомо, отчетливо. Со стороны это могло показаться дерзкой мальчишеской бравадой или глупой шуткой, но время докажет: Цзю Шэн не бросает слов на ветер. Его манифест, высеченный на лезвии конька, омоется бесчисленными каплями пота на пути к вершине.

Договорив, Цзю Шэн почувствовал, как по коже пробежала покалывающая волна возбуждения — даже если бы он прямо сейчас зашел на очередной тройной аксель, это не умирило бы его пыла. Одна лишь мысль о том, что его дерзкое обещание обречено стать реальностью, заставляла каждую клетку его тела трепетать от восторга.

У Сюй Чжоу, чья кровь давно остыла за долгие годы тренерской рутины, внутри будто вспыхнул пожар. Сердце забило тяжело и мощно, разгоняя по телу давно забытый жар азарта. Ему доводилось видеть Андрея — действующего первого номера мирового рейтинга из России, но даже тот в свои юные годы не обладал этой пугающей, завораживающей энергетикой, какая исходила сейчас от Цзю Шэна.

Грудь тренера ходила ходуном от бешеного ритма пульса. Не выдержав, Сюй Чжоу расхохотался — громко, раскатисто, безудержно. Эхо его смеха заметалось под сводами ледовой арены, заставив редких фигуристов на катке в недоумении обернуться. Он смеялся долго, до рези в скулах, пока наконец не затих, переводя дыхание.

Взглянув на стоящего перед ним мальчишку — невыносимо дерзкого, но бесспорно гениального, — тренер крепко сжал его плечо.

— Приходи завтра после уроков во дворец спорта к региональной сборной. С завтрашнего дня начнем работу.

Цзю Шэн кивнул:

— Хорошо.

— С этой минуты, — добавил Сюй Чжоу, — я твой личный тренер.

Эти простые слова означали лишь одно: Цзю Шэн принят в сборную провинции. В обычных обстоятельствах этот путь растянулся бы на годы бюрократического ада и жестких отборов: сначала спортивная школа, затем изнурительные квалификации в городскую команду и только потом, в строго определенные периоды, призрачный шанс попасть на областной уровень. Но для истинного гения все эти условности стирались в пыль. Тем более в таком дефицитном на таланты виде спорта, как мужское одиночное катание.

Сюй Чжоу опустился на одно колено и осторожно обхватил лодыжку юноши.

— Мой первый урок для тебя: фигурист не имеет права на глупые травмы.

Он принялся аккуратно обрабатывать ссадины.

— Профессиональный спорт беспощаден. Каждый год сотни талантов ломаются, так и не раскрыв свой потенциал до конца. Травмы — наш главный, самый коварный враг. Сколько великих одиночников ушли на пике формы просто потому, что их тела не выдержали нагрузок? Они могли бы переписать историю, завоевать все золото мира, но вместо пьедестала оказались на операционном столе.

— Век фигуриста короток, — с горечью вздохнул Сюй Чжоу. — Мужчинам еще дается шанс задержаться, но у женщин двадцать лет — это уже закат карьеры. — Он наложил фиксирующую повязку, останавливая кровь. — Береги себя. Минимизируй риск. И больше никогда, слышишь, никогда не прыгай элементы на голом упрямстве, за пределами своих возможностей.

Цзю Шэн рассеянно пошевелил пальцами ног и прищурился, отмахнувшись лениво:

— Ладно-ладно, я понял. Буду осторожнее.

Впрочем, о том, насколько далеки были его истинные мысли от этих заверений, не догадывался никто.

Закончив с перевязкой, тренер переговорил с ним еще о паре организационных мелочей и ушел. Цзю Шэн переждал, пока острая боль в ноге утихнет, и, прихрамывая, побрел к выходу, прижимая к груди свои выдавшие виды подержанные коньки. Его разум все еще кружился в бешеном вихре недавнего прыжка, поэтому, вернувшись к дому, он даже не заметил, что дверная ручка была повернута чужой рукой.

Лишь переступив порог, он понял: в квартире кто-то есть. Точнее, его так называемое семейство соизволило вернуться. Родители и старший брат.

«Что ж, тем интереснее», — мысленно усмехнулся Цзю Шэн.

Ло Минцю, его мать, едва завидев сына, тут же расплылась в ласковой улыбке и заключила его в объятия:

— Сяо Шэн! Наконец-то! Дай-ка я на тебя посмотрю... Совсем исхудал без нас!

Отец, Цзю Вэньсан, сидевший поодаль с недовольной миной, тут же раздраженно фыркнул:

— И что с того, что исхудал? Какая разница, сколько весит этот бездарь, если он даже на льду стоять толком не умеет? Хоть бы раз взял пример с брата. Сяо Ли — лидер нашей юниорской сборной! Если бы не эта нелепая травма ноги, разве позволили бы мы какому-то выскочке-японцу занять первое место на Гран-при?

Было видно, что Цзю Вэньсан до сих пор рвет и мечет из-за упущенного триумфа. Казалось, дай ему волю — он бы лично отправился в Японию, чтобы проучить этого Миядзаки.

Сам виновник отцовской гордости, Цзю Ли, которого спортивные аналитики в один голос называли главной надеждой фигурного катания Государства Хуа, хранил высокомерное молчание. Уставившись холодным взглядом в экран телевизора, он даже не повернул головы в сторону брата, будто вошедший Цзю Шэн был пустым местом. Или того хуже — досадным недоразумением.

Цзю Шэн впервые видел своего брата-близнеца воочию. Он пристально вгляделся в черты его лица. Сходство, обусловленное кровным родством, казалось очевидным, но при ближайшем рассмотрении разница бросалась в глаза.

В глазах Цзю Ли сквозило лишь холодное, расчетливое безразличие, тогда как взгляд самого Цзю Шэна всегда горел неукротимым пламенем азарта. Короткая стрижка брата подчеркивала его строгую, волевою мужественность. У Цзю Шэна же пряди были чуть длиннее, придавая ему утонченный, почти эльфийский облик. Однако эта внешняя мягкость в сочетании с хищным оскалом и дерзким прищуром создавала столь магнетический контраст, что от юноши невозможно было отвести глаз.

Ло Минцю, словно не замечая повисшего в воздухе напряжения, завязала фартук и ласково обратилась к сидящему на диване первенцу:

— Сяо Ли, золотко, что приготовить на ужин? Чего тебе хочется?

Фигуристы обязаны следить за весом с маниакальной строгостью, и мать в свое время совершила кулинарный подвиг — научилась готовить безупречные диетические, но невероятно вкусные блюда специально для старшего сына.

— Хочу тушеное мясо с картофелем и свиными ребрышками, — бросил Цзю Ли.

— Ребрышки? — Ло Минцю замялась. — Но ведь это так калорийно... Ты быстро наберешь вес.

— Да ладно тебе, пускай ест! — отмахнулся глава семейства. — Парень только-только после травмы оправился. Ему нужно восстанавливать силы. Порадуй его.

— Ну хорошо, — улыбнулась мать.

Лишь когда по кухне уже поплыл аппетитный аромат тушеного мяса, Ло Минцю наконец вспомнила про сиротливо стоявшего в углу младшего сына. Она обернулась и вполголоса спросила:

— Сяо Шэн, а ты чего хочешь?

— Хрустящую свинину, — ответил тот, вспомнив любимое блюдо прежнего владельца тела.

Не успела мать открыть рот, как из гостиной снова донесся грозный окрик Цзю Вэньсана:

— Какая еще свинина во фритюре?! Только о еде и думаешь, прорва ненасытная! Лучше бы на каток шел отрабатывать прыжки!

Цзю Шэн криво усмехнулся.

Поразительный контраст. Любовь и ненависть в пределах одной семьи, разделенные по старшинству. Теперь ему стало предельно ясно, почему прежний Цзю Шэн решил свести счеты с жизнью. Жить под гнетом столь удушающей несправедливости было невыносимо.

Отец продолжал отчитывать его, брызжа слюной, пока Ло Минцю мягко не приобняла мужа за плечи:

— Ну полно тебе, дорогой, не сердись на него. Сяо Шэн ведь тоже старается. Просто... талант дарован не каждому, тут уж ничего не поделаешь.

Цзю Ли на диване едва заметно сменил позу, пряча за этой вальяжностью торжествующую, ядовитую усмешку.

Тем временем мать повернулась к младшему и примирительно похлопала его по руке:

— Ладно, Сяо Шэн, раз уж так хочется свинины, я приготовлю.

Однако, когда все сели за стол, никакой свинины во фритюре там не оказалось. Перед ними исходила паром лишь огромная миска с тушеными ребрышками. Ло Минцю заботливо переложила самый сочный кусок в пиалу старшего сына:

— Сяо Ли, кушай, пока горячее. Специально для тебя старалась.

Цзю Шэн молча сидел перед своей пустой тарелкой. Минута шла за минутой, но он даже не прикоснулся к палочкам. Никто из присутствующих так и не вспомнил, что обещанное ему блюдо на столе так и не появилось.

Память тела подсказала: подобные сцены разыгрывались здесь годами. Мать, на первый взгляд мягкая, заботливая и справедливая, на деле была мастером тонкого психологического садизма. В отличие от грубого, прямолинейного отца, она предпочитала орудовать за кулисами. Ло Минцю осыпала младшего сына сладкими обещаниями, а затем хладнокровно их саботировала, раз за разом вонзая невидимый нож в его детское сердце и оставляя глубокие, кровоточащие раны.

Эти ментальные шрамы прежний Цзю Шэн годами зализывал в одиночестве, плача по ночам от обиды и непонимания. Медленный яд лицемерной заботы всегда ранит глубже, чем открытая злоба. К чему разыгрывать фарс всепрощающей материнской любви, если тебя тошнит от собственного ребенка? Прежний владелец тела искренне не понимал, за что заслужил такое отношение. Они ведь оба — плоть от плоти своих родителей. Почему один получает все по первому требованию, а второй вынужден довольствоваться крохами со стола? Он ведь тоже выкладывался на льду без остатка. И его талант не уступал братскому — просто до сих пор никто не потрудились разглядеть его под панцирем детской неуверенности.

За столом журчала веселая, непринужденная беседа. Родители наперебой обсуждали перспективы Цзю Ли, строя грандиозные планы. Между ними и Цзю Шэном пролегла невидимая, но непреодолимая черта. Стоило ему попытаться сделать шаг навстречу, эта граница послушно сдвигалась, оставляя его в вечной зоне отчуждения.

Вдруг Цзю Вэньсан прервал свой смех и наткнулся взглядом на застывшего сына. Его лицо мгновенно посуровело.

— Сидит как истукан, ни капли почтения к старшим! Не видишь, брат едва оправился от болезни? Живо налей ему теплой воды и принеси лекарства из аптечки!

При этих словах Цзю Ли довольно прищурился. Ему явно льстило подобное отношение. Он вальяжно откинулся на спинку стула и замер в ожидании, готовый смаковать унижение брата.

— Ну! Чего уставился? — рявкнул отец. — Твой брат на тренировках кровью харкает ради семьи, пока ты штаны просиживаешь! Быстро пошевеливайся!

Цзю Шэн не сдвинулся с места. Вместо этого он спокойно взял палочки, занес их над общим блюдом и подцепил самое сочное свиное ребро. Отправив мясо в рот, он зажевал его с нескрываемым удовольствием. Под онемевшими взглядами родственников юноша методично, кусок за куском, опустошил всю тарелку, оставив сиротливо лежать лишь несколько сморщенных долек картофеля.

С завтрашнего дня Сюй Чжоу посадит его на строжайшую спортивную диету, так что сегодня был последний шанс устроить праздник живота. Грех упускать такую возможность.

Проглотив последний кусок, Цзю Шэн вальяжно откинулся на стуле, лениво ковыряя в зубах зубочисткой, и невинно улыбнулся застывшей троице:

— А чего вы не едите? Мясо, кстати, удалось на славу. — Он притворно вздохнул и почесал затылок. — Ой, прошу прощения. Кажется, я увлекся и все слопал. Совсем забыл вам оставить.

Цзю Вэньсан побагровел, шумно и прерывисто задышав, точно разъяренный бык. Каждая морщина на его стареющем лице задрожала от ярости.

— Цзю Шэн! Да как ты смеешь?! Это блюдо готовили для твоего брата! Как у тебя только кусок в горле не застрял?!

Юноша лишь равнодушно развел руками:

— Ну так я же извинился.

Он неторопливо поднялся из-за стола и с вызовом посмотрел на притихшего близнеца:

— Извини еще раз, братец. Я сыт по горло. Так что за водичкой тебе придется сходить самому.

Цзю Ли смотрел на него округлившимися от шока глазами, будто перед ним стоял выходец с того света. Он не верил своим ушам. Прежний покладистый, забитый Цзю Шэн при подобных приказах и пикнуть не смел, послушно выполняя любую прихоть! Что с ним, черт возьми, случилось?

— Цзю Шэн! Стоять! — выкрикнул Цзю Ли, теряя самообладание.

Но тот даже не обернулся.

Цзю Вэньсана затрясло от гнева. Он вскочил, опрокинув стул, и набросился на жену:

— Ло Минцю! Полюбуйся на свое отродье! Мало того, что природа обделила его хоть какими-то зачатками таланта, так он еще и вырос неблагодарным, наглым щенком! Ни стыда ни совести!

Цзю Шэн остановился на первой ступени лестницы, ведущей на второй этаж. Он медленно повернул голову и одарил отца презрительным взглядом:

— В вашем понимании совесть — это раболепно пресмыкаться перед вашим ненаглядным наследником?

Ошеломленный такой дерзостью, Цзю Вэньсан на секунду потерял дар речи, но тут же взвился с новой силой:

— Да как ты разговариваешь с отцом?! Прислуживать брату — твоя прямая обязанность! Он — будущая звезда фигурного катания Государства Хуа! Единственный, у кого есть реальный шанс прославить нашу страну на мировой арене!

Цзю Шэн тихо, издевательски хмыкнул:

— И предел его мечтаний — просто постоять на тумбочке?

Эти слова задели Цзю Ли за живое. Маска напускного благородства слетела в миг. Он вскочил из-за стола, сверкая глазами:

— Ты на что намекаешь, убогий? Сам едва на ногах держишься, а берешься рассуждать о медалях? Или всерьез возомнил себя чемпионом?

Его голос сочился чистейшим ядом. На льду Цзю Ли привык быть богом, и мысль о том, что этот бездарный калека смеет над ним насмехаться, приводила его в бешенство.

Цзю Шэн не смутился. Напротив, его губы растянулись в хищной усмешке, и он начал медленно спускаться обратно. Шаг за шагом. Он подошел к брату вплотную, заставив того задрать голову. В этот момент Цзю Ли охватило смутное, липкое беспокойство. Он вдруг осознал, что презираемый им брат заметно перерос его — и разница составляла далеко не пару скромных сантиметров.

Цзю Шэн едва заметно шевельнул губами, произнес лишь два слова:

— Именно так.

Зрачки Цзю Ли сузились. Младший брат навис над ним всей своей фигурой, глядя сверху вниз с холодным любопытством исследователя, препарирующего бракованную деталь. Темная прядь волос, выбившись из-за уха, упала на лоб юноши, сделав его взгляд еще более зловещим. Тяжелая, удушающая аура превосходства заполнила пространство между ними.

— Я заберу это золото, — тихо, но отчетливо произнес Цзю Шэн. — И сделаю это гораздо раньше тебя.

<http://bllate.org/book/20292/2108443>